

XIII

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РАСКОЛ II

Второй съезд РСДРП, созванный через пять лет после первого, стал в полном смысле слова кульминационным моментом в работе «Искры». Изначально издание было предназначено для восстановления идей ортодоксального марксизма в качестве предпосылки сознательного объединения разрозненных элементов российской социал-демократии в настоящую партию. Под внимательным руководством Ленина с первых шагов орган действовал эффективно. За два с половиной года, с момента создания и до созыва II съезда, «Искра» добилась блестящих успехов.

Газета выходила регулярно, сначала раз в месяц, затем раз в две недели; после неудачи с частью первого выпуска были созданы надежные каналы доставки номеров газеты в Россию. Ничего подобного не было с времен герценовского «Колокола». Фактически экземпляры «Искры» попадали в Россию в гораздо больших количествах, чем герценовская газета, и, с учетом высокого идеино-теоретического уровня ее авторов, ее воздействие на социал-демократическую среду было просто ошеломляющим. Ее поддерживал обильный поток корреспонденции, шедший из разных городов России; более того, она располагала сетью агентов (к концу 1901 года их было девять)¹, которые проводили «искровскую» линию в местных социал-демократических организациях страны. Время от времени возникали финансовые трудности, но все они преодолевались. Плеханов, когда ему был задан вопрос относительно целесообразности обращения за финансовой поддержкой к английским друзьям русской свободы, выразил глубокое удовлетворение новым печатным органом партии: «„Искру“ надо спасти во что бы то ни стало, и если бы для спасения ее нужно было обратиться к самому черту, то мы и к нему обратимся»².

Под настойчивыми ударами «Искры» силы «экономистов» постепенно распылялись. Совместными действиями и под неослабным огнем тяжелой артиллерии заграничной печати, активных действий агентов «Искры» «на передовой» — в России — местные организации,

одна за другой, переходили в лагерь «Искры». Что касается настроения среди эмиграции, одной из примет времени стало дезертирство в начале 1903 года ряда лидеров СРСД, в том числе Иваншина³, а ее другой чертой — прекращение издания «Рабочего дела». «Искра» выполняла поставленную перед собой задачу стать идеологическим и организационным центром партии.

Конечно, сотрудники «Искры» намеревались провести такой съезд, который организационно объединит разные секции и создаст центральные учреждения, необходимые для координации их деятельности. Но, когда с середины 1901 года стали все чаще раздаваться требования созыва такого съезда, редакция предприняла лихорадочные усилия, чтобы оттянуть его созыв до тех пор, пока их преимущество не станет неоспоримым⁴. С одной стороны, это потребовало удвоенных усилий со стороны агентов, работавших в России для обеспечения большинства сторонников «Искры». С другой, — редакция провела кропотливую и длительную работу по созданию проекта партийной программы, призванного определить идеологическое направление съезда. Одним словом, «Искра» не желала участвовать в новом партийном съезде, пока не будут обеспечены условия объединения партии в соответствии с ее идеями. Активное участие всех заинтересованных лиц в подготовке съезда, созванного в 1903 году, свидетельствовало о том, что эти условия созданы, что «Искра» одержит победу.

Съезд, формально названный Вторым съездом РСДРП, но фактически бывший учредительным, открылся в Брюсселе в июле 1903 года. В ходе заседаний он перебазировался в Лондон, что заставляет обратить внимание на его необыкновенную продолжительность. Можно с уверенностью сказать, что ни один партийный съезд даже близко не подходил к таким срокам: более трех недель и тридцать семь заседаний. Параллель, пожалуй, найдется — но среди церковных соборов, а не съездов партий. И так же, как на церковных соборах, долгая жизнь этого партийного съезда отражала удивительное увлечение российских марксистов тонкостями доктрины и организационных принципов. Оглянувшись назад, так ли уж фантастично будет звучать предложение о том, что съезд 1903 года учредил не партию, а церковь (или, вернее, две)?

II съезд РСДРП собрал 43 делегата, направленных 26 местными организациями. Из 51 предоставленного им голоса, 33 принадлежали сторонникам «Искры». «Экономизм» потерпел крах, и на съезде присутствовало только двое бывших «экономистов». Ожидали хлопот от

еврейской социалистической организации — Бунда; но «Искра» имела более чем достаточно голосов, чтобы отклонить требование Бунда о федеральном устройстве партии. Сила ортодоксального состава участников подкреплялась наличием в его рядах наиболее видных ее членов. Группа «Освобождение Труда» *in toto* [полностью, вполне — лат.] (включая даже Дейча, который за несколько лет до этого бежал из Сибири и вновь присоединился к эмиграции в Швейцарии), в знак уважения к ее историческим заслугам, была самостоятельно представлена на съезде. Присутствовала и «тройка», члены которой так много сделали для создания органа «Искра—Заря» и превращения ее в мощное средство укрепления движения. Почти новичок, но уже проявивший большой литературный и ораторский талант — молодой Л. Д. Троцкий — тоже был на стороне «Искры».

Плеханов открыл съезд кратким обращением: «Товарищи! Организационный комитет поручил мне открыть II очередной съезд РСДРП. Я объясняю себе эту великую честь только тем, что в моем лице Организационный Комитет хотел выразить свое товарищеское сочувствие группе ветеранов русской социал-демократии, которая двадцать лет тому назад, в 1883 г., впервые начала пропаганду социал-демократических идей в русской революционной литературе. За это товарищеское сочувствие я от лица всех этих ветеранов приношу Организационному Комитету искреннюю товарищескую благодарность. Мне хочется верить, что, по крайней мере, некоторым из нас суждено еще долгое время сражаться под красным знаменем, рука об руку с новыми, молодыми, все более и более многочисленными борцами. Положение дел настолько благоприятно теперь для нашей партии, что каждый из нас, российских социал-демократов, может воскликнуть и, может быть, не раз уже воскликнул словами рыцаря-гуманиста: „ВЕСЕЛО ЖИТЬ В ТАКОЕ ВРЕМЯ!“... Я сказал, что положение дел теперь чрезвычайно благоприятно для нашей партии. Эти слова могут показаться преувеличением ввиду многих неустройств, несогласий и разногласий, так сильно дававших себя чувствовать в последние пять лет. Эти неустройства, несогласия и разногласия были, без сомнения, очень велики и прискорбны. Но они не помешали нашей партии стать — и в теоретическом, и в практическом отношении — самою сильной партией изо всех существующих в России революционных и оппозиционных партий. Несмотря на все наши разногласия и несогласия, мы одержали уже не одну славную теоретическую победу и имели уже много крупных практических успехов. Двадцать лет тому назад мы

были ничто, теперь мы уже большая общественная сила,— я говорю это, конечно, имея в виду русский масштаб. Но сила обязывает. Мы сильны, но наша сила создана благоприятным для нас положением, это стихийная сила положения. Мы должны дать этой СТИХИЙНОЙ силе СОЗНАТЕЛЬНОЕ выражение в нашей программе, в нашей тактике, в нашей организации. Это и есть задача нашего съезда, которому предстоит, как видите, чрезвычайно много серьезной и трудной работы. Но я уверен, что эта серьезная и трудная работа будет счастливо приведена к концу, и что этот съезд составит эпоху в истории нашей партии. Мы были сильны, съезд в огромной степени увеличит нашу силу. Объявляю его открытым и предлагаю приступить к выбору бюро⁵. Заявление Плеханова встретили продолжительными аплодисментами и немедленно, без голосования, избрали его председателем на заседаниях.

Предсказывая, что съезд станет эпохальным в истории РСДРП, Плеханов не ошибался; но уверенность его в том, что съезд объединит силы и таким образом значительно укрепит партию, оказалась не более, чем заблуждением. Произнося вступительные слова, Плеханов и думать не мог о том, что съезд войдет в историю как пример самого серьезного и непоправимого разрыва во всей истории российской социал-демократии. На Брюссельско-Лондонских заседаниях партия раскололась надвое и породила фракции большевиков и меньшевиков. Более того, границы раздела оказались абсолютно неожиданными. Представители Бунда и бывшие «экономисты» покинули съезд, как и можно было предвидеть, потерпев поражения по всем вопросам. Но не их уход вызвал крупный раскол на съезде. Не он повлек за собой и распал довольно неустойчивого альянса Группы «Освобождение Труда» и «тройки». Зато он задел обе эти группы, а также ряды менее известных делегатов. Словно в насмешку над всем, что было сделано до этого, он обратил Плеханова против товарищей, в сотрудничестве с которыми он закладывал основы русского марксизма; он обратил Ленина против ближайших соратников — членов «тройки»; и, что самое невероятное, объединил Плеханова и Ленина, чьи постоянные стычки делали организационную жизнь «Искры» столь бурной.

Все всяких сомнений, руководящей силой съезда был Ленин. Никто иной не имел такого ясного представления о том, чего он хочет от съезда и как этого добиться. Ленин вел подготовку так тщательно и старательно, что возможность ошибки, наверное, казалась ему почти невероятной. Он составил повестку дня, определив тем самым вопросы

сы, которые будет рассматривать съезд. Среди них было предложение утвердить «Искру» в качестве официального органа партии. Съезд должен был получить проект программы, в котором, как и положено, собрание такого рода не могло произвести радикальных изменений. Он также подготовил к представлению на съезд набор партийных норм и устав, определяющий организационную структуру и характер работы партии. Под его руководством агенты «Искры» обеспечили большинство «искровцев» — сплоченной группы, готовой подавить любую возможную оппозицию. Дискуссии предусматривались, однако состав собрания, как считал Ленин, гарантировал, что это будет не столько творческое учредительное собрание, сколько механическое одобрение заранее намеченных решений.

Основная забота Ленина состояла в том, чтобы провести в жизнь организационный план, изложенный в работе «Что делать?». Длительные дебаты по программе в 1902 году закончились тем, что были сглажены разногласия среди членов редакции. Но, как ни странно, перед съездом редакторы не провели всестороннего обсуждения организационного вопроса. Это показывает, что ни Ленин, ни один из его коллег не ожидали серьезных неприятностей с этой стороны. Вступительное слово Плеханова, в котором задача съезда была поставлена в ленинском духе, содержало декларацию его солидарности с прежним соперником. Подчеркивая необходимость подчинить стихийность (массовое движение) сознательности (партии), он, конечно, вторил теме, разработанной в книге «Что делать?». В тот момент ни он, ни Мартов, ни Аксельрод, ни один из других редакторов «Искры» не могли и подумать о том, что скоро этот самый вопрос станет основным источником разногласий. «Искра» оттягивала созыв съезда до тех пор, пока не были созданы условия для объединения на основе разработанных им предложений. Съезд 1903 года показал, что, несмотря на многолетнее сотрудничество, между самими редакторами не было единства в понимании этих условий.

На первом этапе съезда блок «Искры» был прочен. В дискуссиях по поводу процедуры, предварительных организационных вопросов и программы руководители «Искры» были едины по всем важным пунктам и вели за собой рядовых участников съезда. Энергичное сопротивление делегатов от Бунда и СРСД ни к чему не привело, поскольку они терпели поражение при каждом голосовании. Тем не менее, эта конфронтация оказала некоторое влияние на часть фракции «Искры». Позиция представителей Бунда и СРСД на съезде, независимо от их

прежней, не выглядела безоговорочно неприемлемой. Невзирая на то, что Бунд настаивал на автономии, их требование децентрализации и демократизации партии не представлялось нереалистичным. Делегаты обеих организаций объявили себя централистами⁶, а М. И. Либер, основной оратор от Бунда, ответил отрицательно на прямо поставленный вопрос о возможности демократии в местных организациях при существующих в России условиях⁷. Хотя «искровцы» продолжали действовать единым фронтом во время голосования, из происшедшего впоследствии становится ясно, что для некоторых из них на безоблачное небо уверенности набежали тучки некоторых сомнений. Быть может, противники не столь уж безрассудны? Нужно ли выставлять их за ворота? Они не похожи на экстремистов; возможно, есть некоторые основания для критики того, что они именовали экстремизмом большинства.

Основная дискуссия по программе почти не рассеяла сомнений. Она началась с резкой критики ленинского определения «стихийности» и «сознательности», которая, по мнению А. С. Мартынова, была отражена в программе. Открыто обличая «экономизм», сторонником которого он был прежде, он обвинил Ленина в том, что, борясь с одной крайностью, тот впадает в другую. Мартынов, готовый, в отличие от «экономистов», признать значение социалистической интелигенции, упрекал Ленина в преувеличении этой роли и забвении решающего значения развития классового сознания пролетариата для социалистического движения. Он настаивал на изменении программы в этом смысле и, словно для того, чтобы вбить клин в сплоченные силы большинства, напомнил о более положительных оценках Плехановым потенциала развития пролетарского классового сознания.

Мартынов, поддержаный Акимовым, затронул основную проблему теории Ленина, несомненно беспокоившую и его коллег по редакции. Но требования фракционного единства вновь одержали верх над попытками открыто и беспристрастно разобраться в этой проблеме. Плеханов не мог отрицать доводы Мартынова, но и отказался признать серьезным заблуждение Ленина, в особенности потому, что сам Ленин согласился с тем, что, борясь против прискорбного пристрастия «экономистов» к «стихийности», перегнул палку. Отвечая критикам, Плеханов сказал: «У Наполеона была страстишка разводить своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона,— он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю

больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, что и он не намерен разводиться со мною»⁹. Ради солидарности в борьбе с угрозой «экономизма», которой больше не существовало, Плеханов отверг идею пересмотра программы с целью приведения ее в большее соответствие с той теорией, которую он сам пропагандировал более двух десятков лет. Доводы Мартынова, однако, оставили равнодушными не всех.

Уже первые столкновения «искровцев» с представителями Бунда и СРСД показали, что разногласия между ними не сводятся к схеме «централизм против антицентрализма» или «децентрализация». Речь шла скорее о том, какая степень централизации была необходимой и желательной для наиболее полного обеспечения интересов движения. Вопрос встал остро на решающем заседании съезда, посвященном организации и полномочиям центральных органов партии. Ленин отверг требования о необходимости детального определения полномочий Центрального Комитета, который должен будет осуществлять практическое руководство, настаивая на том, чтобы комитет сам определял сферу своей компетенции. Он считал это существенным, поскольку интересы партии часто могут потребовать вмешательства Центрального Комитета в дела местных групп¹⁰. Представителей Бунда и СРСД озадачило это необычное требование, и они выступили с протестом против такого организационного устройства, которое предполагает существование организаций на местах лишь в качестве простых придатков Центрального Комитета. Троцкий, один из самых активных двигателей катка, в качестве которого выступила «Искра», открыто заявил, что устав партии верно отражает недоверие партии к входящим в ее состав местным организациям, передавая контроль над ними Центральному Комитету¹¹. По этому вопросу при голосовании оппозиция была побеждена подавляющим большинством, в составе которого был не только Плеханов, но и Мартов.

Монолитное единство блока «Искры» оказалось неуязвимым для противников. Вряд ли они могли себе представить, что на втором этапе съезда оно будет расколото по центру. Первая половина заседаний продемонстрировала, как легко справиться с противниками «Искры». Как и большинство союзов, составляющих против общего врага, он стал распадаться сразу после победы над врагом. Едва его бессилие стало очевидным, резко обозначились разногласия, которые ранее союзники подавляли во имя единства. Ленин добился слишком многоного на первом этапе съезда. На втором ему уже не удалось удер-

жать свои силы вместе; противостояние Бунда — СРСД и «Искры» сменилось новой расстановкой сил.

Битва разгорелась в связи с проектом Устава партии, который Ленин представил на рассмотрение съезда. Параграф I, сформулированный самим Лениным, оказался в центре дебатов. В нем говорилось: «Членом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий Партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Перед съездом Ленин объяснил это предложение Мартову, который, хотя и был несколько обеспокоен таким определением, очевидно, не считал вопрос достаточно серьезным для вынесения на редколлегию*. Последующие размышления о его значении, а затем тревожные симптомы во время съезда, по-видимому, вынудили его занять определенную позицию. Во всяком случае, Мартов возражал против ленинской формулировки и выдвинул встречное предложение, в котором последнее требование было заменено представлением возможностью индивидуальной работой под контролем и руководством одной из партийных организаций. Накалившаяся атмосфера последующих дебатов ясно показала, что противостоящие элементы придают огромное значение внешне незначительной разнице. Вопрос не только вызвал острые разногласия; он стимулировал раскол редколлегии «Искры» и, как впоследствии оказалось, самой партии.

Мартов, поддержанный также Аксельродом, Троцким и другими, верно усмотрел в ленинском параграфе средство ограничения возможности членства в партии. Это предложение — попытка воплотить в жизнь одну из основных идей «Что делать?» — нарушало их представление о природе социалистической партии. Мартовцы ничего не имели против конспиративной организации профессиональных революционеров; и даже признавали необходимость такой организации *внутри* партии. Однако они отказывались уравнять их друг с другом как, по их мнению, того требовал от них Ленин. Предвидя создание массовой рабочей партии, Мартов утверждал: «Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше. Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за

* Haimon L. The Russian Marxism and the Origins of Bolshevism. Cambridge, Mass., 1955. P. 169—170. Мартов много лет спустя писал о некоторой неудовлетворенности части редколлегии перед съездом (Мартов Ю. История российской социал-демократии. З-е изд. М.; Пг., 1923. С. 68).

свои действия, сможет объявлять себя членом партии»¹². Ответ Ленина показал, что его гораздо больше интересует сохранение «твердости линии и чистоты принципов», чем создание партии крупного масштаба. Фактически, он считал, что эти два стремления несовместимы и без колебаний отверг формулировку Мартова на том основании, что она открывает доступ в партию «для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма». В широкой, свободной партии невозможно будет контролировать ее членов¹³.

Плеханов встал на защиту формулировки Ленина прежде, чем это сделал сам автор¹⁴. И более того, назвав голосование за предложение Ленина голосованием против оппортунизма, он дал Ленину ключ к собственной защите. Как мог он поступить иначе, когда ленинская позиция ясно показала, что Ленин усвоил тот самый урок, что Плеханов преподал во время их споров в период основания «Искры»? Однако солидарность с Лениным в вопросе о необходимости бдительности перед лицом оппортунизма не позволила ему разглядеть значение ленинской формулировки, с чем он, при иных обстоятельствах, не согласился бы так легко. Защита Плеханова показала, что его понимание спорного параграфа отличается от понимания и самого автора, и его противников. Ленин, не колеблясь, отстранил массы рабочих от партии, а его противники безоговорочно осуждали такую политику; Плеханов же просто не увидел, что речь идет о рабочих. Он говорил о том, что требования дисциплины (связанные с работой в партийной организации) не составят препятствий для рабочих, но не обратил внимания на то, что теоретический уровень, который Ленин считал необходимым для вступления в партию, помешает стать ее членами огромному большинству. Для Плеханова параграф Устава Ленина о членстве в партии имел то достоинство, что преграждал доступ в партию представителям интеллигенции, которым дисциплина мешала потому, что они были заражены «буржуазным индивидуализмом». Исключить такие личности означало преградить путь оппортунизму и тем самым укрепить партию.

Что бы ни говорилось о поведении Плеханова на съезде, оно было последовательным от начала до конца, чего нельзя было сказать о Мартове и его сторонниках. Ни один не попытался решить загадку, ответ на которую напрашивался сам собой: как примирить поддержку Ленина Мартовым по вопросу о полномочиях Центрального Комитета с его бунтом против формулировки о членстве в партии? Как могли

Мартов и его сторонники согласиться с притязаниями Ленина на чрезмерный централизм и неограниченную авторитарную власть, а затем спорить до хрипоты по поводу личного участия в работе одной из партийных организаций как условия членства в партии? Если, что безусловно так и было, в первом случае действовало давление ради сохранения единства фракции, то почему оно ослабло во втором? Бессилье противников «Искры» было очевидно ко времени начала обсуждения полномочий Центрального Комитета. Тогда же делегаты от Бунда и СРСД сумели заронить достаточно сомнений, чтобы обострилась недовольственность Мартова рядом формулировок Ленина. Поскольку он нарушил единство лишь позже, как ни значимы были эти факторы, они не объясняют всего поведения Мартова.

Истина, видимо, состояла в том, что Мартов и его последователи с самого начала были относительно нечувствительны к опасности идеи ленинского сверхцентрализма. Частично это обстоятельство восходит к тем же событиям в социалистическом движении, которые усилили якобинские наклонности Плеханова и сделали Ленина большевиком. Что, вероятно, еще важнее, их терпимость к крайнему централизму нужно рассматривать на фоне опыта работы в «Искре». Она представляла собой, как уже подчеркивалось, попытку горстки интеллигентов создать российское рабочее движение по заданному образцу. Концентрируя власть в руках маленькой клики, они использовали чистые и нечестные средства для расширения своего влияния, в то же время, не принимая в контролирующие органы тех, кого им удалось организовать. Деятельность агентов «Искры» в России примерно соответствовала тому же праву вмешательства Центрального Комитета в дела местных организаций, на предоставлении которого настаивал Ленин. Не только Ленин, но и Мартов, и другие привыкли к такому стилю работы. Раз он обеспечивал успех, естественно было перенести его и на формальную организацию партии. Это и стремился сознательно сделать Ленин, и его инициатива не вызвала возражений у коллег.

Но мартовцы по-иному отнеслись к вопросу о широте или узости рядов партии. Они возражали против той части организационной схемы Ленина, которая противоречила их глубочайшим убеждениям относительно роли и места пролетариата и партии в движении; но пока они еще не уловили внутренней связи между тем, против чего восставали, и тем, с чем могли согласиться. Концепция немногочислен-

ной партии^{*} и ленинское требование наделения властными полномочиями Центрального Комитета, в сущности, были всего лишь двумя сторонами одной медали. В основе его требования лежало недоверие к массам, убеждение в том, что социалистическая сознательность — удел немногих. А поскольку конечное достижение социализма зависело от этих немногих, основные их представители должны быть сосредоточены в центральных органах партии: Центральный Комитет должен быть воплощением социалистической сознательности. В организациях на местах социалистическая сознательность может в большей или меньшей степени быть разбавлена оппортунизмом. Поэтому Центральный Комитет должен контролировать организации на местах, а не наоборот. Чтобы обеспечить неуклонное следование целям движения, ЦК должен иметь право вмешиваться, борясь с оппортунизмом и подавлять его. Центральный Комитет должен получить власть, соизмеримую с исключительной значимостью его роли.

Те же причины указывали на преимущество узкой партии в сравнении с широкой. В условиях, когда социалистическим сознанием наделены относительно немногие, а потому существует постоянная угроза влияния оппортунизма снизу, узкая партия, способная сохранить твердость в следовании линии партии, необходимой для победы, будет сильнее широкой. Однако лишь позднее Мартов и его когорта осознали связь между узкой партией и всемогущими центральными органами и открыто осудили и то, и другое. В их сознании метод работы «Искры» мирно уживался с требованиями создания массовой партии. То, что они несовместимы, они поняли, наконец, когда столкнулись с ленинской кампанией по официальному узаконению элитарности партии. Они были вынуждены сделать выбор и поддержали идею широкой, пролетарской партии. К тому же, они молчаливо признали, что *modus operandi* [образ действия — лат.] «Искры» может быть оправдан, в лучшем случае, как импровизация в конкретной и ограниченной ситуации. Они отказывались, как это предлагал Ленин, возвести его в общий принцип.

* На двадцать третьем заседании, выражая тем, кто критиковал предложенную им формулировку 1 параграфа Устава, Б. И. Ленин дает детальное ее разъяснение и указывает причины, которые в то время делали подобные ограничения необходимыми. Здесь Ленин характеризует различные типы организаций (не партии в целом), включавшие, в том числе, и конспиративные (самые узкие), существование которых было вынужденным в условиях тогдашней России, и самые широкие. См.: Второй съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959, С. 276.— Прим. ред.

При голосовании по I параграфу Устава партии предложение Ленина было отклонено, а мартовское принято большинством голосов, включая, кроме значительного числа «искровцев» (в том числе, четырех из шести редакторов), представителей Бунда и бывших «экономистов». Ленинская одержимость борьбой с оппортунизмом уже привела его к радикальному выводу о необходимости исключения массы рабочих из партии пролетариата. Поражение, которое он потерпел теперь, повело его еще дальше. В книге «Что делать?» Ленин четко выразил убеждение, что противники ортодоксальной исключительности намереваются завести партию в «болото» оппортунизма: «...вы свободны... идти... хотя бы в болото... и мы готовы оказать вам посильное содействие к ВАШЕМУ переселению туда... Но... мы ведь тоже „свободны“ идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!»¹⁵. Поражение Ленина на съезде убедительно показало, что при всех его усилиях партия затягивается в трясину. Даже ближайшие его соратники недостаточно осознают распространяющуюся угрозу оппортунизма, и поэтому на них невозможно полагаться. Но если нельзя рассчитывать на то, что они сделают шаги, необходимые для обеспечения чистоты партии, нужно найти способ отдалить этих «колеблющихся» от власти. Лишь самые безусловно надежные стражи чистейшей ортодоксии (то есть те, кто без колебаний последует за Лениным) достойны доверия. Одним словом, придется провести еще одно размежевание, которое затронет самое ядро партии.

Оказалось, что события способствуют реализации плана Ленина. После дебатов по Уставу партии представители Бунда, а затем бывшие «экономисты» покинули съезд.

Единственным представителем РСДРП за границей была избрана «Заграничная Лига русской революционной социал-демократии» (КПСС в резолюциях... 9-е изд. Т. 1. С. 68). — Прим. ред. . Их уход позволил ленинскому меньшинству несколько увеличить число сторонников, что и послужило основанием для появления названия «большевики» в противоположность меньшинству — «меньшевикам», как эти

* Представители Бунда отказались от участия в съезде, поскольку было отклонено требование о предоставлении им автономного статуса; бывшие «экономисты» покинули съезд после голосования о признании организации «Искры» в качестве единственного представителя РСДРП за границей, что, по их мнению, фактически ликвидировало СРСД.

фракции стали называться после съезда. Теперь Ленин добился пре-
восходства в партии, обеспечив себе и своим верным сторонникам по-
зиции в центральных органах: Центральном Комитете, партийном ор-
гане — «Искре» и Совете Партии (высшем посредническом органе
между двумя первыми).

Самые жаркие баталии на съезде разыгрывались, когда Ленин ис-
пользовал преимущество своего положения. Раскол в редколлегии
наиболее ярко проявился в борьбе за будущий контроль над «Искрой».
Чем, как не дерзостью, можно назвать то, что он поручил одному из
своих сторонников выступить с предложением о сокращении числа ре-
дакторов до трех — Плеханова, Мартова и Ленина? Ленинское объяс-
нение необходимости такого изменения — редколлегия меньшего
масштаба будет работать более слаженно и быстро — выглядело бы
более правдоподобно, если бы совсем недавно он не агитировал за
аведение в редколлегию *седьмого члена* — Троцкого¹⁶. Как в свое
время введение Троцкого было предназначено для создания антипле-
хановского большинства в «Искре», так теперь, убирая сторонников
Мартова — Аксельрода, Засулич и Потресова, — Ленин стремился со-
здать антимартовское большинство. Таким образом выводятся из
строя «колеблющиеся» элементы. Как заявил сам Ленин в ответ на
осуждение его тактики Мартовым: «И меня ни капельки не пугают
страшные слова об „осадном положении в партии“, об „исключитель-
ных законах против отдельных лиц и групп“ и т. п. По отношению к
неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны
создавать „осадное положение“, и весь наш устав партии, весь наш ут-
вержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как „осад-
ное положение“ для столь многочисленных источников ПОЛИТИ-
ЧЕСКОЙ РАСПЛЫВЧАТОСТИ»¹⁷. Поскольку разногласия невоз-
можного было уладить (Мартов отказывался уступить), съезд в конце
концов назвал только двух редакторов — Плеханова и Ленина, пре-
доставив им полномочия увеличить число членов редакции по соб-
ственному усмотрению. Таким образом, в завершение съезда партия
оказалась расколотой надвое; большевики получили контроль над
центральными органами партии, и Плеханов находился в лагере боль-
шевиков.

Тесное сотрудничество Плеханова с Лениным в течение всего съез-
да требует объяснения. Отражая все попытки оторвать себя от автора
«Что делать?», он голосовал вместе с Лениным по всем без исключе-
ния вопросам. В ленинском духе он открыл съезд и по окончании его,

вместе с Лениным, получил контроль над «Искрой». В партии, организованной в соответствии с ленинскими идеями, он был избран председателем Совета Партии. Плеханов не только стойко сражался за ленинский вариант I параграфа Устава партии, выступая против своих коллег по редакции и старых товарищей, но и вместе с Лениным изгнал их из редколлегии. Можно ли в результате сделать вывод о том, что на съезде 1903 года произошло обращение Плеханова в большевизм?

Еще более убедительна, нежели все приведенные выше свидетельства в пользу этого вывода, замечательная речь Плеханова, произнесенная в пылу дебатов по партийной программе. Один из делегатов — Посадовский — спросил съезд, нужно ли партии подчинять свою будущую политику тому или иному основному демократическому принципу, признав за ними абсолютную ценность, или «ВСЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПОДЧИНЕНЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЫГОДАМ НАШЕЙ ПАРТИИ?» На этот вопрос, от которого впоследствии зависела судьба русской революции, Плеханов без колебаний ответил: «Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex* [благо народа — высший закон — лат.]. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, выскажались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила: *salus revolutae supremă lex* [благо революции — высший закон — лат.]. И на эту же точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент —

своего рода *chambre introuvable* [„незаменимая палата” — фр.] — то нам следовало бы стараться сделать его ДОЛГИМ ПАРЛАМЕНТОМ, а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели»¹⁸.

В этой речи, о которой он впоследствии жалел всеми фибрками своей души, позиция Плеханова почти не отличима от того, что в будущем станет центральным мотивом ленинизма. Во-первых, он молчаливо согласился с предположением о возможном противоречии между демократическими правами и интересами партии — предположением, многим делегатам показавшимся абсурдным. Они не понимали, каким образом может возникнуть такое противоречие; какие еще интересы может представлять партия, если не те, что воплощены в демократических принципах? Замечания Плеханова показали, что он считает возможным, чтобы люди не знали истинных своих интересов. Но на этот счет партия, носитель социалистической сознательности, не может заблуждаться. Она знает, что благо народа, обеспеченное успехом революции, — высшая ценность. Соответственно, партия законно может не принимать во внимание волю народа ради его собственного блага (например, провести распуск демократически избранного, но «неудовлетворительного» парламента).

От этой позиции всего лишь небольшой шаг, а возможно и никакого вообще, до утверждения, что все другие идеи, соображения, группы или учреждения должны уступать партии. Эта логика начинает действовать неумолимо, как только партия полностью отождествляется с тем, что полагают высшей ценностью. Та же логика требовала, чтобы Центральный Комитет — этот высший орган осознания истинных интересов пролетариата — осуществлял контроль над организациями партии на местах. Плеханов, произносивший эти слова, по-видимому, склонился к той самой позиции, против которой столь серьезно предостерегал в «Наших разногласиях». Но если партия будет осуществлять свою роль таким образом, как он указывает, если она будет бороться за успех революции (завоевание власти и ее удержание партией) даже при условии, что ее цели и цели народа различны, то (пользуясь его собственной терминологией) не должна ли она будет «искать спасения в идеалах „патриархального и авторитарного коммунизма“», внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо первозданных „сынов солнца“ и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста?

Если судить по протоколам II съезда 1903 года, то доказательства в пользу большевизма Плеханова очень весомы. Съезд очевидно подтвердил его прежнее положение о том, что он ближе к Ленину, чем ко всем другим членам редколлегии. Кто как не он повинен в элитарном характере Группы «Освобождение Труда»? Разве стиль работы «Искры» не был простым развитием принципов и методов Группы? И разве организационная схема Ленина не повторяла стиль руководства «Искрой», лишь поднятого на более высокий уровень? Якобинство, отличавшее Плеханова от коллег, предрасполагало его к большевизму. И как мы уже отметили, его склонность к якобинству чрезвычайно возросла в результате борьбы с идеологическими «ересями», появившимися на рубеже веков. Характер поведения Плеханова-политика с 1898 по 1903 годы, в основном, сформировался под влиянием его воинствующего неприятия ревизионизма. Война с ним, безусловно, укрепила в нем централистские наклонности, заставляя большее внимание уделять идеологии и неустанный борьбе с оппортунизмом. Дело не только в том, что мировоззрение Плеханова и Ленина в этот период складывалось под влиянием общих идей; вне всякого сомнения, теоретические труды и деятельность самого Плеханова значительно способствовали развитию в Ленине той мании оппортунизма, что нашла свое отражение в его представлениях об организационном устройстве партии.

На съезде Ленин, как это казалось Плеханову, выполнял те задачи, которые он, Плеханов, поставил перед собравшимися в своем вступительном слове. Деятельность Ленина не вызвала у него неприязни, скорее, поразил отход большинства членов редколлегии «Искры» от собственных, казалось, традиций. Ленин не зря называл марксистов «колеблющимися»; но Плеханов не понял причины этих холебаний. Он не распознал сути конфликта Ленина и Мартова: борьбы двух, коренным образом отличающихся, концепций партии. Якобинские наклонности Плеханова и чрезвычайные опасения возможного идеологического уклона определенного рода — оборотной стороны той же проблемы — не дали ему возможности увидеть, что именно вызвало серьезные возражения коллег. Не менее чувствительные к оппортунизму, они все же разглядели опасность, грозившую с другой стороны — со стороны тех, кто, опасаясь оппортунизма, готов радикально изменить саму природу социалистической партии. Плеханов не мог понять, каким образом средство против оппортунизма может оказаться вредным само по себе, и готов был, как поначалу и большинство мар-

тонцев, создать партию в соответствии с незыблемыми принципами авторитарного централизма. Не отдавая себе отчета, он благословил принцип заговорнической партии. Таким образом, кроме собственных склонностей к якобинству, поведение Плеханова на съезде частично объясняется непониманием всего смысла ленинского организационного плана. Но, в отличие от якобинства, это непонимание в дальнейшем было чревато конфликтом с Лениным.

Сомнения относительно возможности принятия Плехановым ленинизма, хотя бы только на съезде, связаны с его позицией в отношении свободы критики. Как только партийная программа была принята съездом, он указал на ее обязательность для всех членов партии, добавив следующее: «Это не значит, конечно, что раз принятая программа не может подвергаться критике. Но кто желает оставаться членом партии, должен даже и в своей критике оставаться на почве программы»¹⁹. Что бы ни означала эта оговорка, выраженная здесь точка зрения весьма далека от ленинского уподобления свободы критики «свободе развития оппортунистских тенденций в социал-демократии». Даже при том, что на II съезде Плеханов явно не проявлял терпимости к различиям во мнениях, он не отвергал критики принципиально, как это делал Ленин. В этом состояла дополнительная возможность возникновения разногласий между ними.

Очень скоро после окончания II съезда Плеханов произвел удивительный *volte face* [резкий поворот — фр.]. Спустя несколько месяцев он воссоединился со старыми товарищами и уже поднимал оружие против недавнего союзника. Этот переворот является решающим доказательством того, что его поддержка большевизма во время съезда не была решительной и бесповоротной, как виделось многим. Разногласия между Лениным и Плехановым, как впоследствии оказалось, серьезные, на съезде были лишь прикрыты их внешним единством. Их наличие помогает объяснить то, что в противном случае, разумному объяснению не поддается.

По окончании II съезда многие из делегатов еще мучительно старались осознать в высшей степени неожиданный поворот дел²⁰. Изумление многих основных действующих лиц усугублялось разницей в понимании того, что послужило поводом к расколу. Для Ленина новое размежевание было затруднительным и весьма достойным сожаления; но утешаться он мог тем, что, в конечном счете, победили его взгляды. «Искра» и Центральный Комитет были в руках его сторонников, контроль над Советом Партии также был обеспечен, и он мог рас-

считывать на возможность определять курс партии. Однако такая перспектива не учитывала намерений Мартова и его группы бороться против власти Ленина. Меньшевики не намерены были мириться с тем, что считали попыткой другой фракции захватить всю полноту власти на том простом основании, что ее члены составляют незначительное большинство. После II съезда меньшевики не только объединились для полного бойкота «Искры», отказавшись от всяческого сотрудничества, но и попытались подорвать положение Ленина, проводя кампании в партийных организациях. Первого успеха они добились в Заграничной Лиге русской революционной социал-демократии, которую съезд назначил единственной официально признанной организацией за границей (тем самым формально положив конец существованию Группы «Освобождение Труда»).

На съезде Лиги в Женеве, через шесть недель после завершения партийного съезда в Лондоне, меньшевики составили подавляющее большинство. Когда Ленин, как представитель Лиги на съезде партии, выступил с сообщением о заседаниях съезда в Брюсселе и Лондоне, большинство отвергло его трактовку событий. На следующий день Ленин выступил с предложением распустить съезд Лиги и перестроить саму Лигу. Он поручил некоему Ленгнику⁴, одному из своих верных сторонников и члену Центрального Комитета, реализовать этот план. Ленгник потребовал внести изменения в Устав Лиги, относительно приема новых членов, а вследствие отказа выполнить эти требования объявил о распуске съезда как незаконного⁵. Таким образом, Ленин намеревался осуществить принцип права вмешательства Центрального Комитета в дела местных организаций. Однако Лига не намерена была это терпеть и продолжила свои заседания. Результатом стало ее превращение в ощущимое средство продолжающейся борьбы против Ленина.

По мере того, как разгорался конфликт, Плеханов оказался в чрезвычайно затруднительном положении. Конечно, он был на стороне Ленина на II съезде партии и поддерживал его на съезде Лиги; когда было внесено предложение Ленгника, он, в качестве председателя Совета

⁴ Ф. В. Ленгник являлся заграничным представителем ЦК РСДРП, членом Совета Партии от ЦК РСДРП.— Прим. ред.

⁵ II съезд РСДРП объявил о распуске «Союза русских социал-демократов за границей» (Там же, С. 79). Группа «Освобождение Труда» заявила о самороспуске.— Прим. ред.

Партии, вынес постановление против меньшевистского большинства в Лиге. Но каждый новый шаг давался ему все труднее. После скандала, разразившегося на съезде Лиги, он уже не мог идти дальше по тому же пути. Ленин превзошел своего учителя в непримиримости. Позиции их со времени болезненной встречи в 1900 году поменялись. Приближался момент, когда Плеханов будет вынужден порвать со своим учеником из-за чрезмерной жесткости последнего. Непреклонный ветеран был сломлен, не в силах продолжать то «осадное положение» в партии, которое Ленин считал необходимым. На закрытой встрече большевиков он воскликнул: «Я не могу стрелять в товарищей. Лучше пулю в лоб, чем раскол. Бывают минуты, когда даже самодержавие должно идти на компромисс». Зловещий голос прервал его: «Тогда говорят, что оно колеблется»²¹. Вот-вот Плеханову могло быть брошено слово «оппортунизм». Вскоре предстояло еще одно размежевание, которое отбросит основателя русского марксизма в ряды отступников.

В только что приведенном заявлении Плеханова решающее значение имеет вторая фраза. Безусловно, Плеханова огорчала необходимость стрелять в старых соратников, но он редко смешивал чувства и политические расчеты. Конечно, он не очень сочувствовал Каутскому, когда тому не захотелось стрелять в своего старого товарища — Бернштейна, но Плеханов и не видел сходства между противоречиями в немецкой партии и нынешним — в российской. Обозначив борьбу с ревизионизмом как вопрос жизни и смерти для российской партии, он неумолимо требовал изгнания еретиков. Новый раскол в российской партии теперь, когда будущее ее казалось столь обещающим, был ему невыносим. Раскол партии из-за того, что он считал просто организационными разногласиями, казался ему «непростит[ельной] полит[ической] ошибкой, огромным ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ»²². Из-за призрака раскола Плеханов взял на себя новую и совершенно непривычную роль апостола мира. Примирение этих двух фракций и восстановление единства стало его основной задачей. Для этого ему приходилось призывать к гибкости и компромиссам — позиция мало совместимая с продолжением солидарности с Лениным.

Перемена в позиции Плеханова прежде всего проявилась в отношении «Искры», связующего звена его союза с Лениным. В интересах единства партии он вернулся к вопросу о восстановлении старой редакции и к октябрю уже искал возможность ввести четырех редакторов, кандидатуры которых отклонил партийный съезд. По Уставу партии новых редакторов можно было включать в состав только с согла-

сия уже избранных редакторов, и Плеханов отлично знал, что Ленин своего согласия не даст никогда. Чтобы усилить давление, он заявил о своем уходе. Ленин, сославшись на возможные в свой адрес обвинения в неправоте, заявил, что лучше, в таком случае, уйти ему²³. На этом Ленин вышел из редакции, что, несомненно, было одним из грубейших просчетов за всю политическую карьеру. Плеханов немедленно кооптировал прежних редакторов, и «Искра» превратилась в мощную машину для сокрушения оставшихся твердынь Ленина. Изменение в составе редколлегии «Искры» также автоматически изменило расстановку сил в Совете Партии, состоявшем из пяти человек, за счет включения в него двух противников Ленина — Аксельрода и Мартова. Покидая редакцию, Ленин мог надеяться, что Плеханов привлечет остальных на сторону Ленина. Если же это не удастся, он по-прежнему будет руководить партией, контролируя Центральный Комитет и Совет Партии, где голос Плеханова обеспечит победу Ленина. Он менее всего ожидал, что Плеханов, вместо того, чтобы подчинить членов редколлегии своему влиянию, постепенно присоединится к ним. Но именно это и произошло.

Подобное развитие событий можно было предсказать по первой статье, написанной Плехановым для «новой» «Искры»²⁴. Ее заголовок «Чего не делать?» показывал, что Плеханов начинает дистанцироваться от Ленина. Однако его критика Ленина была скорее косвенной и гораздо более мягкой, нежели критика его соредакторов — Мартова и Аксельрода. В этом отношении он занимал среднюю позицию, соответствующую его добровольно взятой на себя роли миротворца. Тем не менее, критические замечания по духу были противоположны его собственной позиции на съезде и сходны с замечаниями меньшевиков. К призывам Плеханова Ленин оставался глух. Понимая, что планы его рушатся, что власть ускользает в руки его противников, Ленин отчаянно, но тщетно, старался мобилизовать Центральный Комитет на то, чтобы остановить этот процесс и повернуть его вспять²⁵. Когда же это не удалось, он обратился ко всей партии в язвительной брошюре «Шаг вперед, два шага назад». Плеханов без удовольствия воспринял проявление явного неуважения Ленина к его авторитету, неумение Ленина «прислушаться к голосу разума», его упорное нежелание отказаться от всего, что наносило серьезный ущерб партии. За этот год их отношения заметно изменились, Плеханов еще более сблизился с теми, против кого выступал на II съезде; объектом его критики стали не только

организационные, но также тактические и теоретические позиции Ленина.

Поначалу Плеханов видел основу кризиса партии в твердокаменности Ленина и его сторонников. Он и сам мало был склонен к мягкости и колебаниям и вполне признавал значение боевитости в революционной партии. Но в новых условиях подобная воинственность оказывалась подходящей не всегда и не везде; все зависело от конкретных условий времени и места. Теперь он считал, что бескомпромиссность Ленина подрывает силу партии, а следовательно, и успех дела революции. Она служит дестабилизирующей силой, что грозит партии непоправимым расколом и истощением сил в междуусобной борьбе. Очевидно, пришло время для более гибкой, примирительной политики²⁶.

Плеханов хорошо понимал психологические корни непреклонности Ленина. Он сам многократно подчеркивал необходимость вести самую непримиримую борьбу со всеми отклонениями, грозящими разложить партию и отвлечь ее от неуклонного следования своим целям. Но он также считал, что поражение «экономизма» положило конец угрозе разложения РСДРП; ведь самым значительным достижением II съезда партии было именно идеологическое единство. К несчастью, из борьбы против идеологических ересей выросла патологическая чувствительность, сама по себе опасная. «У нас многие привыкли думать, — писал Плеханов в одном из показательных пассажей, — что социал-демократ должен быть неуступчив, если не желает грешить оппортунизмом»²⁷. Будущему революционного движения угрожает серьезная опасность, если на таких основаниях партийное руководство считает уместным ввести казарменную дисциплину, увековечить сектантский дух исключительности, стать «утопистами централизма».

В следующей статье, озаглавленной «Централизм или Бонапартизм», Плеханов обрисовал печальную судьбу партии, если она пойдет за Лениным. Тем самым он отошел от политики постоянных размежеваний, посредством которой он, и еще более Ленин, думали обеспечить чистоту партии. «...Ревнители „твердости“, — заявлял он, без разбора употребляя ярлыки оппортунизма, бернштейнианства и ревизионизма, — с легким сердцем готовы отрывать от нашей партии одну категорию товарищей за другую, прорвавшись от листика за листиком от артишока»²⁸. Теперь Плеханов выступал против претензии партийного центра на непогрешимость и вытекающее из этого право предавать анафеме всякого несогласного. Он примкнул к сторонникам свободы критики, которая, в глазах Ленина, представляет и

может представлять собой не что иное, как «свободу для оппортунистского направления в социал-демократии». Ленинский идеал он считал более похожим на бонапартизм, нежели на централизм, необходимый в пролетарском движении; этот идеал способен изгнать из партии всех разумных, уважающих себя людей, оставив одних прислужников.

Задолго до выступления Троцкого с подобной критикой, в наши дни гораздо более известной²⁹, Плеханов пророчески описал характер будущей партийной жизни, если она будет основана на большевистских принципах: «Вообразите, что за Центральным Комитетом всеми нами признано пока еще спорное право „раскассирования“... Тогда проходит вот что. Ввиду приближения съезда, ЦК всюду „раскассирует“ все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему: „ура!“, одобряет все его удачные и неудачные действия и рукошлет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха»³⁰. Сравнивая эту концепцию организационной монолитности с собственной моделью партии, богатой активной внутренней жизнью, Плеханов замечал, что большевики «ОЧЕВИДНО, СМЕШИВАЮТ ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА С ДИКТАТУРОЙ НАД ПРОЛЕТАРИАТОМ»³¹. Из этого следует, что нужны не просто большая гибкость со стороны руководства, не просто терпимость к определенным расхождениям во мнениях, но и такие организационные формы, которые ограничивают власть партийного центра. Односторонний контроль сверху донизу должен уступить место взаимному доверию и, наряду с ним, непрерывному обмену идеями и влиянием между партийным центром и местными организациями и рядовыми членами.

Линия Ленина и те последствия, которые, по мнению Плеханова, она влечет, заставили старшего товарища занять скептическую позицию по отношению к сверхцентрализму и безграничной непреклонности. Теперь он вынужден был переоценить и собственное поведение. Статьи этого периода необычны частыми признаниями ошибок и выражениями сожаления по поводу действий, которые он предпринимал в ходе еще недавней истории российской социал-демократии³². Особенно примечательно его более милосердное отношение к «экономистам»³³. Безусловно, они заблуждались, — говорит он теперь, — но их активная и успешная агитация среди рабочих сослужила прекрасную

службу. Их мировоззрение было ошибочным и односторонним, и необходимо было бороться с ним и исправлять его. Но они не имели обдуманного намерения, в отличие от тех, кого он называл теоретиками «экономизма», задушить развитие политической сознательности пролетариата. Теперь Плеханов признает, что ОН зашел слишком далеко, разоблачая и практически списывая из партии и тех, и других, не делая различия между верными, но заблуждающимися товарищами и фактическими врагами пролетариата. Увлекательная диалектика, которая действовала в партии уже несколько лет, приближалась к своему пику. Плеханов, когда-то товарищ Ленина по оружию в борьбе против «экономизма», давал теперь отпущение грехов последнему и объединялся с его прежними сторонниками в борьбе против самого Ленина.

Начав кампанию против ликвидации последствий тактики Ленина (необходимости стрелять в собственных товарищей и не сдаваться, даже если это приведет к неизбежному расколу партии), Плеханов, в конечном счете, пришел к выявлению ее корней. Прежде он хранил молчание относительно работы «Что делать?», принимал непосредственное участие в попытке восплотить ее основные идеи на II съезде, но в 1904 году, наконец, подверг этот ключевой труд детальному рассмотрению³⁴. Теперь он давал критическую оценку теоретическим основам ленинизма, его положениям о соотношении между «сознательностью» и «стихийностью».

В работе «Что делать?» Ленин рассматривал рабочее движение и развитие социалистической мысли как два отдельных, взаимоисключающих явления. На определенной стадии промышленные рабочие организовали профсоюзы для защиты своих интересов. Но сами по себе они не способны пойти дальше тред-юнионистского сознания, выйти за пределы существующей системы и подняться до уровня социалистической сознательности. Рабочие не только не создали социалистической идеологии, но и выработана она была «совершенно независимо» от стихийного рабочего движения. Элементы буржуазной интеллигенции — непролетарская группа, обладавшая высоким культурным уровнем развития, создали и развили теорию социализма на основе достижений современных философских, исторических и экономических знаний и затем привнесли ее рабочим извне. Установив таким образом начальную связь стихийности (рабочее движение) и сознательности (социалистическая интеллигенция), Ленин, как утверждает Плеханов, руководствуясь данным постулатом, вывел свои тактические и организационные взгляды: «Изгнав социализм из

массы, а массу из социализма, Ленин объявил социалистическую интеллигенцию демиургом социалистической революции...»³⁵. Следовательно, интеллигенция должна составить партию, а масса рабочих, по природе своей оппортунистская и чуждая социализму, должна оставаться за ее пределами. Пролетариат, таким образом, не является сознательным, историческим творцом социалистической революции, а используется партией для достижения ее собственных целей. Подобная схема требует организации такой партии, в которой огромное внимание уделяется разделению на чистых и нечистых (Плеханов обвинял Ленина и его сторонников в том, что они присваивают себе роль «охранителей», отвергающих и выставляющих за ворота всех несогласных), а контроль в ней осуществляется сверху донизу.

Отвергая этот односторонний подход, Плеханов начал с экскурса в историю. По его утверждению, Ленин дает искаженную картину исторической связи между рабочим движением и развитием общественной мысли. В доказательство он приводит тезис о том, что Маркс и Энгельс на Западе и сам он в России пришли к теории социализма, наблюдая подъем рабочего движения и рост классовых противоречий, а не вне зависимости от них. Социалистическая интеллигенция, несомненно, во многом способствовала привнесению в рабочее движение социалистической направленности — с этим Плеханов согласен, — но отнюдь не в той степени, как это утверждает Ленин. Постулат о неспособности рабочего класса подняться до социалистической сознательности столь же неверен, сколь отделение зарождения социалистической мысли от борьбы рабочего класса. Фактически, — настаивает Плеханов, — опыт капиталистической системы не только подтолкнул рабочих на защиту собственных интересов в рамках троцкизма, но и зародил в них антагонизм по отношению к самой системе*. Не пассивную или оппортунистскую массу, чуждую социализму, встретили «бациллы революции», а инстинктивно социалистический пролетариат. Задача их состояла в поднятии инстинктивного до уровня сознательного.

Формулировка Плеханова явно принижала роль социалистической интеллигенции. Кроме того, он с самого начала усматривал диалектическую связь между наставнической ролью интеллигенции, которая,

* Немного позднее он назовет «клеветой» утверждение, что рабочий класс сам по себе никогда не сможет подняться над троцкистским сознанием (Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 184).

по мере обретения социалистической сознательности рабочими, постепенно уменьшалась и со временем вообще должна была стать излишней. В этой схеме есть место для существенно важной деятельности интеллигенции, и масс; сознательность не рассматривается здесь как исключительное свойство только одной стороны, а, тем самым, предполагается наличие широкой партии; как аксиома, в данной схеме констатируется социалистическая направленность развития пролетариата, его способность и воля к осуществлению социалистической революции. Сознательность и стихийность, партия и массы не противопоставляются, а характеризуются как взаимопроникающие и, в конечном счете, объединяющиеся в единое целое.

Опровергая положения Ленина, Плеханов в основном придерживался этой схемы, однако в одном он подошел весьма близко к позиции «экономистов». Он писал, что если «...социалистическая революция явится необходимым следствием противоречий, свойственных капитализму, то ясно, что на известной стадии общественного развития рабочие капиталистических стран пришли бы к СОЦИАЛИЗМУ даже в том случае, если бы они были предоставлены „своим собственным силам“»³⁶. Это утверждение звучит как высшая степень экономического детерминизма. В борьбе с ревизионизмом Плеханов, как никогда, подчеркивал значение интеллигенции; в борьбе с ленинизмом он ударился в другую крайность, полностью отрицая ее необходимость. И без вмешательства социалистической интеллигенции, отмечает он, в пылу полемики заходя так далеко, как никогда прежде и никогда впоследствии, социалистическая революция неизбежна. Его заявление, в любом случае, носит чисто академический характер, ибо он явно не предлагает, что интеллигенция вообще покинет арену действий. Даже при том, что она не является абсолютно необходимой для социалистической революции, он считал ее деятельность полезной в плане сокращения времени, необходимого для достижения социализма.

В конце концов, как и следовало ожидать, Плеханов отверг взгляды Ленина как извращение марксизма. Взяв на себя роль непреклонного стражи ортодоксальности, настаивая, ради достижения этой цели, на самых невероятных организационных установках, Ленин сам безнадежно уклонился от «научного социализма». Для Плеханова сам капиталистический способ производства предопределял переход рабочих к социализму, а социалистическая теория представляла собой обобщение опыта рабочего класса. Хотя в его концепции уделялось место и обратному влиянию социалистической интеллигенции на про-

пролетариат, но содержание сознания интеллигенции, в основе своей, определялось положением пролетариата. Утверждать обратное, считал он, значит отрицать основную истину марксистского материализма: «бытие определяет сознание». Ленинская теория демонстрировала убежденность в обратном; она представляла собой новое воплощение идеалистического учения о том, что сознание определяет бытие. Более того, Плеханов настаивал на том, что только его представление о связи между капиталистическим способом производства, пролетариатом и интеллигенцией указывает на имманентность социалистической революции историческому процессу. Те, кто представляют интеллигенцию в качестве «демиурга социалистической революции», выдают свое неверие в неизбежность пролетарской революции.

Плехановский анализ революционного процесса безупречно соответствовал марксизму, однако марксизм не столь точно отражал общественную реальность того времени. Основное место в его системе занимала вера в неизбежность социалистической революции. Когда Плеханов писал «если социалистическая революция явится необходимым следствием противоречий, свойственных капитализму», это «если» фигурировало скорее как риторическое украшение, нежели показатель того, что для него это предложение не равнозначно очевидной истине. Из этого постулата Плеханов выводил неизбежность развития социалистической сознательности у рабочих, а на предшествующей стадии — наличие инстинктивного социализма. Положения, требующие доказательств, он принимал за аксиомы и из них выводил другие принципы, существенно важные для его системы.

Бернштейн, пользуясь скорее методом индукции, нежели дедукции, подверг сомнению основное в учении марксизма — тезис о неизбежности социалистической революции. Значительная часть его идей базировалась на реформистских наклонностях рабочих, которые он рассматривал как положительный фактор развития. Ленинизм, который было бы правильнее считать реакцией на ревизионизм, начал с тех же посылок. То, что Бернштейн рассматривал как положительное, Ленин бичевал как оппортунизм, но, как и Бернштейн, он признавал значение этого явления для положения о неизбежности революционного переустройства общества. Далее они резко расходились. Бернштейн, принимая насущные потребности рабочих как путеводную звезду, призывал преобразовать движение за социализм в демократическую партию социальной реформы. Ленин, не желая отступать от конечной цели — социализма, был убежден, что прийти к нему можно

только посредством революции. Для того, чтобы «возместить» факт недостаточной сознательности пролетариата, далеко отодвигавший перспективу революции, он предлагал преобразовать партию широкого пролетарского революционного движения в небольшую, дисциплинированную группу, вооруженную революционной сознательностью и волей. При соответствующей организации и безграничной решимости партия сможет преодолеть все препятствия — не только прочность власти правящих классов, но и нерешительность пролетариата и его склонность к забвению собственных целей.

Плеханов занял среднюю позицию между противниками справа и слева. В качестве противодействия ревизионизму он склонялся к якобинству, призывая к беспощадной войне с оппортунизмом и постоянному развитию сознательности как гарантии достижения конечных целей движения. В этом он подал пример Ленину; но Ленин сделал следующий шаг. В отличие от Плеханова, который никогда честно не признавал наличия таких неприятных факторов рабочего движения как оппортунизм, Ленин не игнорировал его. Плеханов считал, что ревизионизм означает либо отказ от социализма, либо — что то же самое — его бесконечное откладывание. Одобрительно относясь к ленинской преданности социалистической революции, он опасался, что недоверие к массам рабочих и исключение их из партии уведет революционное движение в противоположном от намеченной цели направлении.

В первом случае в жертву приносились цели, которые должна ставить перед собой марксистская партия, а во втором — средства. Плеханов хорошо понимал, что оба подхода не реализуют перспектив марксистской теории, и это, безусловно, красноречиво свидетельствует о его проницательности. Его собственная система обладала тем достоинством, что в ней цели и средства соответствовали друг другу, и, таким образом, сохраняла верность марксизму. Однако его ортодоксальность в отношении доктрины и нежелание признавать те неприятные факты, которые ей противоречили, предопределили крах его системы. Движениям, заложенным Бернштейном и Лениным, уклонившимся от ортодоксального марксизма, суждено было процветание, ибо оба, по-своему, учитывали основные политические реалии. Не сумев внести необходимые корректины, Плеханов и ортодоксальный марксизм были обречены пойти ко дну вместе.